

УДК 316.35



ЭКСТРЕМИЗМ КАК ФОРМА ДЕВИАНТНЫХ ПРАКТИК СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ

Рябинская Татьяна Сергеевна

Аспирант, Институт сферы обслуживания
и предпринимательства (филиал)
Донского государственного технического
университета в г. Шахты,
e-mail: Ejik_90@mail.ru

EXTREMISM AS A DEVIANT PRACTICE OF MODERN YOUTH

Ryabinskaya Tatiana S.

Postgraduate student,
Institute of Entrepreneurship
and Service sector (branch) of Don State
Technical University, Shakhty,
e-mail: Ejik_90@mail.ru

В статье анализируется проблема экстремизма как формы девиантных практик современной молодёжи. Делается вывод о том, что именно молодые люди в большей степени не удовлетворены культурой, поскольку воспринимают её не как данность, а как поле для собственных экспериментов. Подобные инновационные изменения сопряжены с риском превратиться в девиантные практики, способные причинить реальный вред не только молодежи, но и всему обществу. Выделяются следующие причины молодежного экстремизма: искаженные представления об этнических культурах и стереотипах; желание признания, стремление молодых людей почувствовать себя способными бросить реальный вызов общественным порядкам; акцентирование внимания на культурных различиях народов и мигрантофобских настроениях и др.

Ключевые слова: экстремизм, молодежь, девиантность, культура, общество.

In the article the problem of extremism as a form of deviant practices of modern youth is analyzed. The conclusion is that the young people are more dissatisfied by culture, since they perceive it not as a givenness, but as a field for their own experiments. These innovative changes are accompanied by the risk to become a deviant practices that may cause harm not only to the youth, but also the whole society. There are the following causes of youth extremism: deformed perceptions about ethnic cultures and stereotypes; the desire to be recognized, the aspiration of young people to feel able to throw a real challenge to the societal order; the emphasis on cultural differences of peoples and migrant-phobic sentiments, etc.

Keywords: extremism, youth, deviance, culture, society.

В процессе обретения социальной субъектности молодые люди активно усваивают культурные ценности окружающего их мира. Инновационный потенциал молодёжи актуализируется в том, что представители данной социально-демографической группы проявляют интерес к самостоятельной интериоризации достижений собственной культуры, который зачастую сопровождается критическими установками по отношению к общепризнанным образцам культурного наследия. Однако в то же время молодые люди в силу экстремальности сознания и недостатка полноценного жизненного опыта понимают критическое отношение к действительности зачастую однобоко, как ниспровержение прежних ценностей и норм. Отсюда во многом проистекает имморализм, присущий многим молодым людям, неприятие норм культуры, желание выделиться и подчеркнуть свою индивидуальность и социальную значимость.

В критических установках молодёжи в отношении сложившихся культурных паттернов часто доминируют нигилистические тенденции, которые характеризуются радикализмом, стремлением к разрушению и отвержению культурных норм и ценностей в ущерб их созиданию. Кроме этого, всё же необходимо принимать в расчёт биологические особенности юного возраста. Поскольку, как справедливо отмечает В.А. Луков: «Специфику освоения молодежью жизненного пространства можно характеризовать через сочетание “дикости” (это обозначение природных свойств молодежи можно найти еще в первой по времени появления теории молодежи Г.С. Холла) и “инновационности”, присущих молодежи» [1, с. 210]. Именно молодые люди в большей степени, во фрейдовском смысле, не удовлетворены культурой, поскольку воспринимают её не как данность, а как поле для собственных экспериментов. Подобные инновационные изменения сопряжены с риском превратиться в девиантные практики, способные причинить реальный вред не только молодежи, но и всему обществу.

Отечественные исследователи В.И. Чупров, Ю.А. Зубок определяют экстремизм именно как форму девиантного поведения, когда отмечают, что «молодежный экстремизм представляет собой социально обусловленные формы отклонения от развития экстремального типа сознания молодёжи и нарушения меры в выборе адекватных моделей поведения, что выражается в приверженности к крайним взглядам и действиям в процессе её самореализации» [2, с. 19]. Вышеприведенное определение является вполне точным, поскольку даёт возможность понять экстремистские настроения как реальное отклонение от нормы, совершающееся в процессе восприятия молодёжью окружающей их

культуры. Таким образом, молодые люди могут стать на путь экстремизма только при особых социокультурных условиях, которые будут участвовать в качестве катализатора экстремальности общественного сознания. Присущий молодым людям максимализм в сочетании с жизненной наивностью, возникающей в результате слабых оценок возможностей революционного изменения общественного порядка в лучшую сторону, существенным образом увеличивает риск попадания в движения экстремистского толка.

В исследовании П.С. Самыгина отмечается, что в результате процесса трансформации российского общества в нём можно обнаружить следующие особенные черты, демонстрирующие специфику формирования девиантных практик в среде молодёжи нашей страны: 1) увеличение количества молодёжи, относящейся по своему социальному статусу к среде социально исключённых; 2) увеличение рисков в интеграционном процессе; 3) разрыв между общечеловеческими ценностями и ценностями массовой культуры, отсутствие религиозного воспитания; 4) снижение уровня жизни основной массы российских семей; 5) кризис идентичности [3, с. 180].

Опираясь в первую очередь на реалии российского общества, то есть высоко оценивая степень активности молодёжи в социальных процессах последних лет, важно учитывать, что современное молодое поколение в значительной степени формировалось и приобретало субъектность в специфических кризисных условиях, связанных с кардинальными изменениями, произошедшими в общественно-политической жизни страны, и приведших к разрушению системы ценностно-нормативной регуляции и социализации. В результате разрушения прежней советской культуры, выполнявшей воспитательную функцию молодёжи, России потребовалось время, чтобы на государственном уровне выработать новые социокультурные стратегии и механизмы гражданско-патриотического воспитания молодёжи, способные существенно снизить риски девиации на почве экстремизма. Однако проблема экстремизма по-прежнему остаётся актуальной ещё и потому, что находится в поле действия кризиса культурных основ глобальной цивилизации. В значительной степени экстремистские проявления также являются отражением международных процессов глобализации, находятся в существенной зависимости от быстроменяющейся геополитической ситуации.

Согласно мнению авторитетного польского социолога П. Штомпки, *процесс социализации* включает в себя не только интериоризацию новых культурных ценностей и моделей поведения, но и

противоречивый отказ, порой болезненный, который может сопровождаться конфликтами от прежних взглядов и социальных норм. Кроме этого, в теории, представленной П. Штомпкой, рассматривается обратный процесс *контрсоциализации*, т. е. ситуации, при которой часть индивидов «обучаются образцам, нормам и ценностям контркультуры, противоположным тем, что доминируют в данном обществе» [4, с. 411]. Значит, девиантные практики молодёжи, рассматриваемые в качестве проявлений экстремизма, не просто противостоят легальным культурным нормам и образцам, но опираются на ценности контркультуры, которая не в последнюю очередь зависит от этнических и конфессиональных различий современной российской молодёжи. Неслучайно поэтому существенная доля проявлений экстремизма в молодёжной среде совершается на почве этнической ненависти, конфессиональной и расовой нетерпимости. А сами молодые экстремисты зачастую и выступают в роли активных распространителей ксенофобских настроений, используя для этого социальные сети. Таким образом, мы полагаем, что ценности контркультуры связаны с традиционной культурой, во многом являясь её обратной, темной стороной.

При этом молодые экстремисты склонны объединяться в неформальные сообщества, организовывать движения, ставящие перед собой неадекватные цели. Однако главным для молодёжи является всё же общение само по себе (тусовка), даже если потребность в коммуникации проявляется в девиантных формах, молодые люди порой готовы инвестировать свою энергию в движения даже с плохо обоснованными и чётко поставленными целями. Поэтому, анализируя деятельность подобных движений, В.И. Чупров, Ю.А. Зубок отмечают, что «мотивационная структура сторонников молодёжных движений с экстремистской направленностью отражает особенности их социального состава. Она носит в целом типично молодёжный – субкультурный характер: общественное движение выполняет функцию “тусовки”, эмоциональной раскраски обыденности, сублимации энергии. Большинство молодых людей рассматривают своё участие в движениях как времяпрепровождение, в котором различные экстремистские проявления выступают в качестве романтических приключений или развлечений» [2, с. 222]. Соответственно, применительно к этим положениям можно сделать вывод о том, что по мере приобретения зрелости и полноценного общественного статуса молодые люди в значительной степени будут отказываться от участия в движениях подобного рода.

Важно при этом учитывать, что девиантность «может усиливаться вследствие неадекватного восприятия информации, из-за искажен-

ных представлений об этнических культурах и стереотипах, что, в свою очередь, способно вызвать неадекватную реакцию и санкции, “запускающие” “спираль девиантности”» [5, с. 126]. Неслучайно современное общество принято считать информационным, в котором молодые люди имеют несравненно больший, чем в прошлые исторические эпохи, неконтролируемый доступ к информации экстремистской направленности. Причем данная информация часто циркулирует в сети Интернет под видом якобы безвредных образцов «народного» творчества. К тому же молодые экстремисты зачастую используют особый сленг и шифры, чтобы при коммуникации между собой в сети остаться незамеченными для правоохранительных служб. На почве коммуникации в сети Интернет молодые девианты формируют собственные субкультуры, представляющие собой закрытые группы экстремистской направленности.

Девиантные тенденции подпитываются желанием признания, стремлением молодых людей почувствовать себя крутыми, сильными, способными бросить реальный вызов общественным порядкам. Крайние отклонения от нормы могут порождать *мятеж*. Как отмечал Р. Мертон, мятеж как особый тип приспособления «заключает в себе подлинную переоценку всех ценностей, когда прямое или косвенное переживание фрустрации приводит к полному обличению того, что прежде высоко ценилось» [6, с. 276]. Поэтому можно сказать, что мятежу предшествует разочарование молодых людей в общественных целях и легальных средствах их достижения, связанное как с недовольством культурой, так и с отсутствием соответствующих социальных лифтов.

Экстремистские практики российской (преимущественно русской) молодёжи во многом подпитываются во всех странах, где происходит болезненное акцентирование внимания на культурных различиях народов, а также мигрантофобскими настроениями [См.: 7, с. 36]. В результате в сознании части молодых этнофоров происходит политизация собственной этнической идентичности, а в силу того, что из легального политического пространства этничность исключается, подобные молодые люди обречены стать политическими маргиналами. В целом представители рассматриваемой группы молодёжи не удовлетворены репрезентацией собственной этнической культуры на государственном уровне, в их среде, как ни странно, сильно проявляются антиимперские тенденции, в которых русская культура противопоставляется российской [8, с. 149–150].

Современные российские исследователи С.С. Черных, А.А. Никифоров рассматривают экстремизм как побочный эффект конструирования молодыми людьми собственной культурной идентичности. «Интересно, что инновационная активность молодежи интенсифицирует процессы модернизации ценой повышения рисков, угрожающих сохранению прежних идентичностей. Отсюда проистекает стремление довольно активной части неконформистской молодежи радикализировать традиционные для нашей страны этнические и религиозно-конфессиональные идентичности в их противопоставлении общероссийской гражданской идентичности и делении общества на классы» [9, с. 117–118]. Данные авторы, на наш взгляд, справедливо обращают внимание на тот факт, что отсутствие в обществе осознанной гражданской солидарности способствует росту экстремистских настроений, связанных с болезненным переживанием молодыми людьми собственной этничности.

Литература

1. Луков В.А. Биосоциология молодежи: теоретико-методологические основания. М., 2013.
2. Чупров В.И., Zubok Ю.А. Молодёжный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. М., 2009.
3. Самыгин П.С. Девиантное поведение молодёжи. Ростов н/Д., 2006.
4. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М., 2010.
5. Воденко К.В., Черных С.С., Самыгин С.И. Социальная антропология. Ростов н/Д., 2014.
6. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006.
7. Сериков А.В. Влияние уровня гражданской идентичности на экстремизацию межнациональных отношений в регионе // Вестник Российской академии естественных наук. 2013. № 3.
8. Бедрик А.В., Дьяченко А.Н. Ведомственный национализм в современном российском обществе: этнократия или мигрантофобия? // Гуманитарий Юга России. 2015. № 4. С. 142–151.
9. Черных С.С., Никифоров А.А. Гражданская идентичность российской молодёжи в фокусе этнической и религиозной толерантности // Альманах современной науки и образования. 2015. № 11.

References

1. Lukov V.A. Biosotsiologiya molodezhi: teoretiko-metodologicheskie osnovaniia. M., 2013.
2. Chuprov V.I., Zubok Iu.A. Molodezhnyi ekstremizm: sushchnost', formy proiavlennii, tendentsii. M., 2009.
3. Samygin P.S. Deviantnoe povedenie molodezhi. Rostov n/D., 2006.
4. Shtompka P. Sotsiologiya. Analiz sovremennogo obshchestva. M., 2010.
5. Vodenko K.V., Chernykh S.S., Samygin S.I. Sotsial'naia antropologiya. Rostov n/D., 2014.
6. Merton R. Sotsial'naia teoriia i sotsial'naia struktura. M., 2006.
7. Serikov A.V. Vliianie urovnia grazhdanskoi identichnosti na ekstremizatsiiu mezhnatsional'nykh otnoshenii v regione // Vestnik Rossiiskoi akademii estestvennykh nauk. 2013. № 3.
8. Bedrik A.V., D'iachenko A.N. Vedomstvennyi natsionalizm v sovremennom rossiiskom obshchestve: etnokratiia ili migrantofobiia? // Gumanitarii Iuga Rossii. 2015. № 4. S. 142–151.
9. Chernykh S.S., Nikiforov A.A. Grazhdanskaia identichnost' rossiiskoi molodezhi v fokuse etnicheskoi i religioznoi tolerantnosti // Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniia. 2015. № 11.